

Инна сидела на большом подоконнике и смотрела на внутренний двор детского интерната с зацветающими яблонями и улыбалась. Через несколько часов она навсегда уедет отсюда. Комната в старой кирпичной трёхэтажке, которую приходилось делить ещё с тремя девчонками, останется в прошлом, так же как нелюбимое времяпровождение в швейном цеху и задира Оксана.

- Даже не верится, – подумала Инна. – Больше не будет строгого расписания, утренней зарядки в любую погоду, противной манной каши с комочками, супа с кислой капустой и злющей математички. Единственное о чём она жалела, что придётся расстаться с трёхцветной кошкой Машкой, обосновавшейся в котельной. Инна не раз сбегала к ней, чтобы поделиться бедами и прижаться к тёплому мохнатому боку.

Своих родителей Инна помнила плохо, и с каждым годом воспоминания всё больше тускнели. Они торопились к своей любимой дочке, лежащей в больнице с ветрянкой, но машина потеряла сцепление с мокрой дорогой и вылетела в кювет. Никто не виноват... Пятилетней балованной девочке пришлось очень несладко в детском доме, особенно первое время. Пять долгих лет с молитвами о чуде останутся за серыми стенами интерната, а впереди Инну непременно ждёт счастливое будущее в новом доме.

Геннадия Григорьевича, известного учёного и мецената, она первый раз увидела полгода назад на благотворительной акции, где выступала с танцевальным номером. Высокий стройный мужчина средних лет с тёмными волосами, словно посеребрёнными инеем, подошёл и сказал, что она хорошо чувствует музыку.

Ей стало одновременно очень приятно и неудобно. Она боялась поднять взгляд от своих туфель, ведь тогда он точно заметит её уродство... «У тебя очень красивые глаза. Гетерохромия – редкий дар и незачем его стесняться», – сказал Геннадий Григорьевич, угадав её переживания... Инна до сих пор не могла поверить в то, что из всех детей этот удивительный человек выбрал именно её. Она не была самой красивой или умной, не отличалась бойким характером. Обыкновенная, если не считать разноцветных глаз, десятилетняя девочка, усердная в учёбе, немного замкнутая, любящая танцы и книги.

– Я всё сделаю для того, чтобы он меня полюбил, – прошептала Инна. – Он не пожалеет, что дал мне шанс.

Они ведь даже толком не общались, лишь несколько встреч, где Геннадий Григорьевич не проявлял особых эмоций и в основном расспрашивал о здоровье. Но в мечтах Инна считала его лучшим другом и уже называла папой, представляла их красивый большой дом с участком, утопающем в зелени и огороженным кирпичным забором, совместные прогулки и свои выступления, где он будет сидеть в первом ряду с букетом красных роз.

– Мы обязательно станем счастливой семьёй!

За столом в гостиной царил тишина и почти дружественная атмосфера. Геннадий Григорьевич черпал ложкой грибной суп и сосредоточенно хмурился, не переставая думать о работе. Димка тоже кушал молча, чему Инна была безумно рада. Вообще, о брате она не мечтала, тем более таком. Двенадцатилетний коренастый подросток с тёмной шевелюрой, россыпью веснушек на лице, хитрыми синими глазами и вредным характером испортил своим существованием всю семейную идиллию, о которой Инна так мечтала. Она хотела быть единственным ребёнком, чтобы отец любил и баловал только её... Хотя, если честно, Геннадий Григорьевич не слишком к этому стремился, постоянно пропадая в подвальном помещении дома, где его строго настрого запрещалось беспокоить. Совместные прогулки сводились к походам в его исследовательский центр, где у Инны брали всевозможные анализы. С одной стороны ей было приятно, что отец так заботится о её здоровье, а с другой – надоело. Она же не лабораторная крыса! «Привыкай, – хмыкнул тогда Дима, заметив её кислое лицо. – И радуйся, если он не пригласит тебя в лабораторию на нижнем этаже».

– А-а-а! – закричала Инна, вскакивая на стул. – Мышь!

Геннадий Григорьевич вздрогнул и одарил её недовольным взглядом, а Димка расхохотался, сразу давая понять, чьих рук дело.

– Ты, – разъярено прошипела Инна. – Берегись, я отомщу, мало не покажется.

Дима в ответ лишь ухмыльнулся. За месяц совместного проживания обещания страшной и неминуемой кары он слышал не раз: после того, как сломал единственную куклу, испортил почти всю её одежду, подбросив в стиральную машину чёрную футболку, запустил к ней в комнату ужа. Последняя проделка особенно запомнилась, девчонка так забавно визжала и умоляла убрать ползучего гада. Это удовольствие стоило дня в карцере, куда его отправил отец. Вообще, сначала Дима сильно расстраивался и злился по поводу появления Инны в их доме, а потом даже плюсы нашёл – не так скучно сидеть взаперти, довольствуясь лишь собственным огороженным участком.

– Прекратите оба, – повысил голос Геннадий Григорьевич, окидывая детей

ледяным взглядом. – У меня от вас голова болит. Дима, ты наказан. Надеюсь, ты помнишь, куда идти.

Парень хмуро кивнул, но беспрекословно отправился на мансарду, где располагалась тёмная кладовка или попросту карцер. Он усвоил на горьком опыте, когда отец рассержен, лучше не нарываться. Инна злорадно улыбнулась ему в след. Есть всё-таки в жизни справедливость.

– А ты пойдёшь со мной вниз.

Инна испуганно вздрогнула, вспомнив слова Димы. Что там в лаборатории? Зачем она нужна Геннадию Григорьевичу? Вдруг он взял её из детдома в корыстных целях? Говорят, такое сплошь и рядом, кто за пособием гонится, кто бесплатную рабсилу ищет. «Это явно не про отца. Денег полно, домработница есть, – подумала Инна. – Осталось надеяться, что он не решил использовать меня в своих исследованиях... Интересно, а чем он занимается? Стыдно, уже месяц, как его дочь, а не знаю!».

Когда проект не поддержали на следующий год, Геннадий Григорьевич впал в депрессию. Он столько лет трудился над решением проблемы направленной мутации, не жалея себя и единственного сына, а руководство исследовательского центра посмело отчитать за излишние расходы. И это перед революционным открытием! Геннадий Григорьевич был уверен, что осталось совсем не много, и человечество вступит в новую эру, где возможно не только выбрать пол будущего ребёнка, но и желаемые физические и психические параметры. Надо лишь увеличить количество экспериментов. «Десять эмбрионов в месяц катастрофически мало, – негодовал он. – Неужели у нас в городе делают так мало аборт? А с детьми, вообще, проблема. Сразу все начинают визжать о моральных аспектах. Но без жертв не достичь прогресса! Нет у людей сознательности... Пришлось не дожидаться всех этих комиссий и использовать своего сына. Вообще, по-хорошему стоить испытать мои наработки во всех группах возраста с делением по половому признаку. Кстати, могут получиться очень интересные результаты». Именно тогда Геннадию Григорьевичу пришла в голову замечательная идея – взять ребёнка из интерната. Инна подошла на роль испытуемой идеально. Во-первых, они с сыном почти ровесники, во-вторых, у неё имеется довольно интересная закреплённая мутация и хорошее здоровье. Дополнительные анализы в исследовательском центре лишь подтвердили его правильный выбор... Огорчало лишь одно, теперь в доме было два подростка, которые изрядно портили его размеренный уклад жизни и часто мешали сосредоточиться.

Инна с трудом поднялась с постели, поежившись от озноба, голова противно кружилась, а во рту застыла горечь. «Да что за напасть привязалась. Раньше никогда так не болела, – раздражённо подумала она. – Целую неделю уже в кровати лежу, папа меня лечит, а лучше не становится». «Так и не станет, – блеснула в её голове крамольная мысль. – Тебя отец отравил. Всё ведь началось через день после посещения лаборатории в подвале и сделанного там укола». Инна отчаянно замотала головой, отказываясь в это верить. Перед глазами тут же замелькали разноцветные мушки, и она, потеряв равновесие, упала.

– Боже, – прошептала Инна, поняв, что не в состоянии подняться. Она больше не чувствовала ноги. – Нет!

На её крик тут же прибежал Дима и, увидев девочку на полу, попытался

поднять.

– Уйди! – Она отпихивала его руки и горько рыдала. – Я больше не смогу ходить... танцевать. А я так мечтала выступить на сцене.

Дима растерянно стоял рядом с ней и не знал, что делать.

– Это всё ты и твой отец! Ненавижу! Вы взяли меня, чтобы издеваться. Что я вам такого сделала?

– Ты ходила в подвал? – неожиданно спросил он, побледнев.

Сейчас Дима мало походил на того вредного и хитрого парня, любителя розыгрышей, которого она знала. В его взгляде застыло беспокойство и сочувствие. «А ведь он мог стать мне старшим братом, а не врагом», – подумала Инна и обвиняюще ответила:

– Да, после твоей выходки с мышью.

– Глупо их бояться, – парировал Дима. – Животные никогда не обидят просто так... Давай я тебя подниму и положу в кровать. Поверь, скоро станет легче.

– Надорвёшься, – буркнула Инна, но позволила взять себя на руки. Переживания истошили её полностью, хотелось забыться сном, чтобы открыть глаза здоровой.

– Ехидна, – отозвался он, улыбнувшись.

– Дима, – просительно протянула Инна. – Не уходи, пожалуйста. Мне так страшно.

– Понимаю... Спи, я буду рядом.

Очередной приступ боли заставил Инну выгнуться дугой и закричать. Она уже перестала понимать, где находится и что происходит. Дни и ночи слились для неё в нечто серое и мрачное. Сначала всё напоминало лишь грипп, потом отнялись ноги и начались боли. Инна больше не видела мир в красках. Мысли перестали быть связанными и скакали, как её любимые газели: «За что мне это? Я была плохой девочкой? Кажется, нет. Особого зла не делала, перед сном молилась... Я так хотела семью. Может, всё из-за этого? Надо быть осторожной в желаниях... Для отца я лишь эксперимент, но он говорит, что удачный. Просто надо потерпеть перестройку. Но как? У меня нет больше сил... Дима хороший, читает мне сказки и обещает помочь. Отец тоже ставил ему уколы, но всё проходило легче. Теперь он обладает хорошей памятью, физической силой, видит в темноте и мало спит».

– Инна, – тихо позвал Дима, заходя в её комнату.

– Да, – тут же отозвалась она.

– Как ты?

– Неважно.

Дима тяжело вздохнул и сказал:

– Отец продолжает ставить препарат?

– Да... А когда тебе стало лучше?

– На пятнадцатый день.

– А у меня какой?

– Двадцатый... Но ты обязательно поправишься и станешь супердевчонкой, – закончил он весёлым тоном. – Вдруг ты сможешь летать или дышать под водой.

– Тогда мы с тобой сбежали бы отсюда...

Дима вздрогнул и прошептал:

– Тише, вдруг отец камеры поставил... Хотя ему бы и в голову не пришло, что нам может что-то не нравится. – Он горько усмехнулся. – Знаешь, я раньше винил маму, что она бросила нас, а теперь рад. Пусть хоть у неё всё будет хорошо.

– Ой, – вскрикнула Инна. – Я ногой пошевелила. О, Боже!

Она начала плакать от счастья, обнимать Диму и бормотать:

– Даже не верится! Я буду ходить и танцевать... Тебе тоже так резко лучше стало? Болело, болело, бац, и всё будет хорошо... Завтра ночью мы с тобой убежим. Хорошо?

Дима ошарашенно кивнул. Конечно, он давно уже подумывал о побеге, даже деньги откладывал и маршрут составлял, но всё равно оказался не готов и боялся: «Отец бы спокойно пережил нашу пропажу, если бы мы не были его экспериментом... Страшно представить, если он нас найдёт». Словно в подтверждении заняла когда-то сломанная рука.

– А теперь иди, рано утром всегда приходит отец, – сказала Инна и сладко зевнула. – Посплю ещё несколько часиков.

Если бы Дима умел заглядывать в будущее, он бы не оставил её одну.

Геннадий Григорьевич переживал за Инну, процесс трансформации шёл слишком медленно и очень болезненно. Может, усовершенствованная вакцина чересчур сильно влияла на организм? Или всё дело в её индивидуальных особенностях? «Если она умрёт, то мне не избежать комиссий от органов опеки, но самое страшное — как воспримет это руководство центра. Они ведь негласно давали добро на испытание препарата на моих детях. Чёрт, только бы не прикрыли мои исследования! – думал он, перешагивая порог комнаты Инны. Геннадий Григорьевич даже не сразу осознал, что девочка спокойно спит, а её волосы за одну ночь стали пепельными.

– Началось, – облегчённо пробормотал он. – Ещё и с изменениями внешности. Интересно. Я больше рассчитывал на характер.

Геннадий Григорьевич потряс девочку за плечо, ему не терпелось расспросить её и взять анализы.

Инна распахнула глаза и недовольно посмотрела на отца.

– Гетерохромия пропала, теперь они просто синие, – с сожалением сказал Геннадий Григорьевич. – Ну, ладно, это не так важно... Лучше расскажи о своём самочувствии.

– Всё хорошо, – ответила Инна с секундным замешательством. – Хочу есть, а потом танцевать.

– Нет, сначала в лабораторию.

Инна окинула его холодным взглядом и отчеканила:

– Вы мне обязаны, а не наоборот.

Геннадий Григорьевич изумлённо замолчал, наблюдая за новой Инной, которую он совсем не знал. Та усмехнулась, легко поднялась с кровати, кокетливо одёрнув ночнушку, накинула халат и побежала на кухню. Теперь она не утруждала себя желанием понравиться. Зачем? Скоро здесь всё и так подчинится ей...

Когда дом погрузился в темноту, Дима встал с кровати и быстро оделся. Взяв заранее собранный рюкзак, он осторожно выглянул в коридор и прислушался. Из комнаты отца доносился лёгкий храп. Путь свободен. Он

немного замешкался у двери Инны. Зайти или нет? Весь день она была словно чужая. Неужели всему виной препарат? До сих пор в его голове застыла картинка, как Инна за завтраком капризно протянула: «Папочка, тебе надо больше работать, ты же хочешь сделать меня особенной!».

Неожиданно её дверь распахнулась, словно приглашая зайти. Инна стояла около окна и смотрела на звёзды.

– Решил даже не попрощаться, – усмехнулась она.

– Нет, я собирался зайти. Просто немного сомневался, – тихо отозвался Дима. – Вижу, у тебя и особые способности появились.

– Могу видеть в темноте и силой мысли двигать предметы.

– Круто.

– Нет, этого слишком мало. Я хочу стать по-настоящему сильной, чтобы больше никто не посмел меня обидеть, – резко ответила Инна.

– Неужели ради этого ты останешься с ним. Он же наш враг, – запальчиво начал Дима, но девочка приложила палец к его губам и прошептала:

– Тише... Иногда враг лучше друга. Он сделает тебя сильнее и выносливее.

Инна быстро поцеловала его в щёку, успев при этом незаметно сунуть в карман рюкзака деньги, позаимствованные из шкатулки Геннадия Григорьевича.

– Уходи, – сказала Инна, выталкивая Диму из комнаты.

Она не знала, увидятся ли они вновь, но желала ему счастья... Несмотря на все происходящие изменения, в её сердце теплилось желание обрести настоящую семью.

– Возможно, когда-нибудь я найду тебя, и никто не посмеет нас разлучить.